

Имя писателя Николая Ивановича Чергинца не нуждается в особых представлениях белорусскому и русскому читателю. Им написано свыше тридцати романов, которые изданы многомиллионными тиражами. Он зарекомендовал себя как корифей прозы остросюжетной, приключенческой и одновременно едва ли не нравоучительной: его герои никогда не поступают по принципам, они отчётливо и недвусмысленно занимают позицию Добра (абсолютной приверженности чести, порядочности, преданности дружбе и всему тому, что делает служивого человека героем) в сражении со Злом (скопищем пороков, дегуманизирующих и деморализующих человека), и главная интрига его произведений заключается в том, насколько жизнеспособно добро в извечном противостоянии злу. “Не в силе Бог, а в правде” – таково кредо его несомненно положительных героев, которые, избегая пафоса, никогда так пышно не выражаются в свой адрес. И тем не менее правда – их путеводная звезда. Они сражаются за Правду (Родину, честь и право называться патриотом). Это именно герои – в точном и первородном значении этого понятия – персонажи, чьи души согревают идеалы, за которые они готовы пожертвовать жизнью. Отсюда и их подвиги как повседневная реальность, как способ жизнедеятельности.

Строго говоря, героический архетип, убедительно прописанный ещё в “Илиаде”, всегда был и по сей день остаётся актуальным. Героика как точка отсчёта – это классика культуры, и проза Николая Чергинца превращается в своего рода служение вечному героическому началу в человеке.

В творчестве писателя особое место занимает политический детектив. Самое известное произведение в этом жанре, конечно, – “Тайна Овального кабинета”. Политический – значит, сотворённый на злобу дня, в значительной степени посвящённый сиюминутному, смакующий “острые” факты, которые у всех на слуху. Политический – значит, оперативный: кто не успел, тот опоздал. Это не упрек жанру, это констатация его специфики. Душещипательная, мягко говоря, история Билла Клинтона и Моники Левински, благодаря

каторгой Овальный кабинет скандально превратился в “Оральный”, уже начинает понемногу отходить в прошлое, приобретая черты мифов и легенд. История с политическим подтекстом, раздутая СМИ, забывается, а политический детектив, написанный по её мотивам, читается с усиливающимся интересом. Если время идёт, а актуальность “истории” не утрачивается, следовательно, дело уже не в злобе дня, не в конъюнктуре, а в вещах более фундаментальных. Мне кажется, они стоят того, чтобы о них задуматься.

Погружаясь в “тайны Овального кабинета”, тайны, где вечные мировые политические и экономические проблемы переплетаются с не менее вечными любовными, ловишь себя на мысли, что дело вовсе не в сомнительной “истории”, якобы порочащей с моральной стороны имя президента США; дело в том, что сам критический тон по отношению к святым для Америки вещам сегодня воспринимается как совершенно естественный.

Понятия “Соединённые Штаты Америки” и “демократия” связаны настолько прочно, что бросишь камень в Америку – попадёшь в демократию, и наоборот. А демократия с её сердцевиной – рыночной экономикой и религиозной идеологией – основа основ современной цивилизации. Рынок, демократия, религия – вот три кита, на которых держится цивилизация. Я бы добавил к этим трём ещё два звена: секс и национализм. Получается каркас устойчивой пятигранной конструкции.

Можно сколько угодно иронизировать по поводу того, что демократия, дескать, не такая уж и хорошая вещь, однако лучше неё ничего пока не придумано; а раз не придумано, то демократия, получается, очень хорошая вещь. Лучшая из “не очень хорошего”.

Во-первых, придумано. А во-вторых, факт остаётся фактом: на наших глазах происходит разочарование в демократии как основополагающей ценности культуры.

Нечего греха таить, концепция “человека экономического”, homo economicus’a, на которого сделала ставку цивилизация (культура пока стыдливо ориентируется на “человека разумного”, не понимая пока толком, фантом это или неизбежная перспектива), реализована в Америке с впечатляющей полнотой и обескураживающей бескомпромиссностью. А результат – разочаровывает? Что же тогда, ежели не реальный homo economicus?

Этот экономический homo, если не считать нескольких антуражных библейских заповедей, создан из двух прабиблейских канонов, сформулированных ещё в дописьменную эпоху и отражающих реальные потребности реального человека. Первый гласит: **все на продажу**. Второй вторит: **кто сильнее, тот и прав** (а сильнее, разумеется, тот, кто эффективнее реализовывает первую заповедь). А кто на свете всех сильнее? Для выявления победителя – необходим такой инструмент, как демократия. Культ силы, силовая регуляция всех отношений – экономических, политических, нравственных – вот “духовный” (точнее – волевой) стержень человека цивилизации.

Разочарование в Америке с её культом демократии – это разочарование в человеке, создавшем современную цивилизацию, вот что я хочу сказать; это понимание того, что никакая демократия не способна изменить или даже усовершенствовать природу человека. И напротив: если вы принимаете концепцию homo economicus’a, то вы станете аплодировать демократии, США и их президенту, и такую мелочь, как истина (состав которой – тысячи пронизывающих друг друга противоречий), просто перестанете принимать в расчёт. Тотальное шествие и триумф демократии – что может быть прекраснее?

Демократия – это возможность для одного представить потребности всех людей в таком выгодном для них свете, чтобы они доверили ему представлять свои интересы на политическом уровне. Америка сделала ставку на потребности человека (см. два “глобальных” заповедных канона, основу нынешней транснациональной идеологии – глобализма). Это естественно и по-своему правильно. Но она исключила из потребностей человека права личности – и это катастрофа. Отсюда и разочарование.

Что же можно хотя бы теоретически противопоставить демократии?

Предпочтительнее демократии на сегодняшний день, во-первых, желание выжить (а человек экономический, не станем питать иллюзий, будет стремиться заработать на всём, даже на отсутствии перспектив выживания: на гибели потомков можно неплохо погреть руки уже сегодня); во-вторых, демократии можно противопоставить потребности личности, человека культурного

(разумного), которого успел-таки породить человек экономический. С точки зрения личности, лучше, гораздо лучше демократии диктатура культуры. В общем и целом, на сегодняшний день – это утопия, не станем лукавить. Тут можно было бы и закрыть вопрос, если бы не антиутопия, ставшая реальной перспективой нашей жизни: тотальное разочарование в самой идее демократического мироустройства. Рост апокалиптических настроений сегодня очевиден. Человек экономический не спасёт планету Земля. Он её слопаёт, если уже не слопал.

Я не знаю, как следует осуществить диктатуру культуры, едва ли не эквивалент царства Божия на Земле. Уж, конечно, не коммунистическим методом, ибо диктатура пролетариата – это разновидность диктатуры человека экономического, которая сегодня осуществляется в форме демократии. Зато я отдаю себе отчёт в следующем.

Во-первых, тенденции развития человека (развития, подчеркну, а не деградации), если взять многие тысячелетия его развития – от природы к культуре, от человека – к личности. Факт того, что с личностью пока не считаются, сам по себе ещё не является аргументом в пользу того, что с личностью не будут считаться никогда.

Во-вторых, если тенденция к реализации личностного начала не будет укрепляться, человечество с его демократическими иллюзиями попросту исчезнет. Боюсь, в скором будущем вопрос будет ставиться именно таким образом: или человек становится личностью, или человек прекращает своё существование.

При чём здесь Моника Левински, спросите вы?

А при том, что эта “благородная девица”, ни секунды не сомневаясь, грудью, и не только грудью, встала на защиту священного принципа “всё на продажу”. Она с искренним энтузиазмом отработала номер, озвучила внедренный в неё коллективным бессознательным “кодекс чести”: победителя не судят. Она не предавала президента, Боже упаси, она не поступала ни хорошо, ни плохо (счастливо оказалась по ту сторону добра и зла); шустрая бабёнка просто заработала кучу бабла. Разве деньги – это не святое? Не “альфа” и “омега” цивилизации? Разве деньги – миллионы! – не заткнут рот каждому, кто решится её осудить? Зачем же тогда на деньгах частенько вытравливают надписи во славу Божию? “Мы верим в Бога”, – написано на искуственном долларе со змееподобной эмблемой. Деньги – это святое. И в прямом, и в переносном, и в самом что ни на есть сакральном смысле этого слова. Для людей, “мыслящих” в рыночных категориях, деньги неизбежно превращаются в смысл и цель существования.

Если она даже и предавала, у неё был самый благородный мотив на свете – деньги. Кроме того, были, кажется, и моральные соображения. При демократии принято к деньгам непременно добавлять и моральные соображения.

Она проболталась, нечаянно выболтала то, что некультурные люди цивилизованного общества тщательно скрывают от самих себя: демократия в исполнении человека экономического – это сплошной самообман и лицемерие. Демократия создала цивилизацию, чтобы разрушить культуру – вот оно, глобальное противоречие сегодня.

И это противоречие, которое едва-едва начинает осознаваться, хотя и пунктирно, но отражено в романе Николая Чергинца. Оно там угадывается.

Америка всё доказывает и доказывает: более агрессивного существа, нежели человек экономический, живущий в демократическом обществе, не бывает. Надеюсь, понятно, что вовсе не в Америке тут дело, а в природе человека, который упорно не желает становиться личностью, не хочет думать головой – “мыслит” исключительно брюхом и подбрюшьем. И демократия предоставляет ему право на удовлетворение этой его первичной потребности – не думать, заодно защищая право выставлять всё на продажу, рыдая при этом об утраченном милосердии.

Таким образом, рынок, демократия и религия (а также секс и национализм в придачу) – это инструменты диктатуры бессознательного, диктатуры природы, с помощью которых пытаются сотворить высшие культурные ценности.

И Н. Чергинец великолепно использовал шанс продемонстрировать это противоречие в художественном формате. Не надо было ничего высасывать из пальца, сама жизнь с удивительной полнотой и убедительностью выпятила все прелести такого корявого мироустройства, где господствует дух идеологии потребления.

Вот такие концептуальные получились вариации на тему “невинных” шалостей президента, который и не подозревал, гарантом каких прав и свобод он выступает на практике.

Особо подчеркнём: дело здесь, конечно, не в остроумном зубоскальстве писателя Н. Чергинца; дело не в том, что он якобы оседлал конъюнктуру и эксплуатирует настроения дешёвого антиамериканизма.

Автор политического детектива чутко уловил иные колебания коллективного бессознательного: угроза миру исходит не столько от ядерных ракет, терроризма и однополюсного мироустройства (хотя и от них тоже, кто спорит), сколько от маленького человека экономического, живущего в большую эпоху демократии.

Строго говоря, история, описанная в “Тайне Овального кабинета”, могла происходить и не в Америке, которая является органическим продолжением Европы. Само деление на Запад и Восток становится неактуально, ибо Восток, быстро переняв экономическую религию Запада, движется в сторону человека экономического, в сторону природы, а не культуры. Все хотят быть похожи на Америку, которая с громадным почтением относится к большим потребностям маленького, не думающего человека – вот в чём дело. История с Моникой Левински – это не специфически американская история, как нет ничего специфически американского в известных всему миру американской мечте и американской трагедии.

Потрясающий парадокс: с одной стороны, все стремятся к экономическому процветанию, которое обеспечивается демократией, а с другой – происходит разочарование в самом существовании демократии под разговоры о том, что лучше демократии ничего не придумано. Этот парадокс свидетельствует о том, что человечество бессознательно дрейфует Бог знает куда, во всяком случае, подальше от того места, будь оно Востоком или Западом, где думают головой. Прячем голову в песок, как нечто лишнее для жизни, на манер упитанных страусов.

Ещё раз подчеркну: я не хочу сказать, что весь смысловой строй политического детектива “замешан” именно на этой культурологической коллизии. Это было бы явной натяжкой. И тем не менее, одной из ключевых, хотя и подспудных, тем романа является разочарование в чудодейственности демократии.

Согласимся: это вовсе не шлягерная глубина. Роман с таким смыслом и подтекстом обретает весьма и весьма серьёзное общественное звучание.

2

Если меня поймут в том смысле, что я, пользуясь случаем и моментом, спешу высказать своё персональное разочарование в рыночной экономике или демократии, то это не так. Я не разочарован в демократии, потому что никогда не был ею особенно очарован (что не означает, конечно, моего восхищения всем антидемократическим); я просто не питаю иллюзий относительно её культурных функций – это во-первых; во-вторых, я не считаю культурными людей, с восторгом причисляющих себя к рабам демократических доктрин. Я уважаю людей, которые способны мыслить, но не демократически спекулировать на “моральной позиции”.

И рынок, и демократия, и все прочие элементы общественного устройства – это всего лишь инструменты, способы достижения целей, и не надо превращать средство в цель. Поменяйте точку отсчёта, измените систему координат, по-новому осознайте цель – и та же демократия обнаружит свой культурный потенциал: она может стать способом утверждения диктатуры культуры.

Таким образом, дело не в демократии, не в автократии и вообще не в “кратии”, а в умении мыслить. Дело в нашем отношении к культуре, а не в том, насколько эффективно мы включились во всеобщую гонку за лидером цивилизации. Сама номинация “лидер цивилизации” при ближайшем рассмотрении оказывается не просто непрестижной – она оборачивается формой аутсайдерства. Не торопитесь, а то успеете.

Думаю, в ближайшем будущем человеку диктатура культуры не грозит; ему грозят такие цивилизационные (демократические, обратим внимание) последствия, как глобальное потепление, глобальное помутнение рассудка и, боюсь, глобальная агрессия. Человек экономический честно обнаруживает своё натуральное лицо – другого у него нет.

Беда в том, что человек духовный (разумный, культурный) пока не стал точкой отсчёта для общества, и неизвестно, может ли ею стать. Пока все вокруг живут по законам джунглей (прообразам законов демократии) — “каждый сам за себя” и “война всех против всех”. Все мы в той или иной степени — увьи! — американцы, поскольку живём и выживаем всё в той же цивилизации и по законам этой цивилизации. И быть лидером цивилизации не так уж и почётно, если разобраться. Почётно было бы быть лидером культуры, если бы эта номинация не была безнадёжно утопической.

Я приветствую книгу Николая Чергинца “Тайна Овального кабинета” прежде всего за *оправданный критический тон* по отношению к святым для всего “демократически мыслящего” (в данном контексте — не желающего думать) человечества вещам, в том числе по отношению к своим, белорусам и русским, вставшим на защиту идеологии потребления, — той самой идеологии, которая делит людей не на своих и чужих, а на тех, кто лопают (сильных), и тех, кого при этом поедают (“слабых”, то есть тех, у кого хватает духу и разума не быть “сильным”). Этот критический обертон ощутимо присутствует в схематичной полифонии. Противоречия, которыми болеют сегодня гуманитарные науки, обнаружались в его романе, даже если писатель сам и не собирался их акцентировать.

Детектив “Тайна Овального кабинета” (я бы назвал его более многозначительно: “Овальный Кабинет”, что можно прочесть как “ОК”), являет собой именно тот случай, когда художественные достоинства произведения определяются, прежде всего, жанром, а не стилем. Нелепо требовать от жанра политического детектива глубокой (в манере, скажем, Достоевского) психологической разработки характеров, связанных с обострением духовных проблем; глупо требовать “набоковской” описательности, “булгаковской” карнавальности или “шолоховской” эпичности. Вообще бессмысленно требовать того, чего не может дать произведение. Политический детектив следует судить и оценивать по законам жанра.

Он способен увлечь многоплановой и продуманной интригой — он и увлекает (почитателей). Известная публицистичность при этом присутствует? Присутствует, местами без перебора. Вполне ли демократически ведут себя герои — то есть ставят ли они инстинкт выше “морали” и не путают ли его с умом? Вполне демократически. Ставят. И путают.

Чего ж больше?

Но в данном случае мы действительно получаем несколько больше, чем можно было ожидать от политического детектива; в данном случае факты подобраны и скомпонованы так, что они “говорят сами за себя”, говорят, и даже проговариваются; в данном случае детектив не только развлекает, но и заставляет задуматься.

В романе присутствует гуманистическая глубина — качество, которым сегодня не принято щеголять. Н. Чергинец, надо отдать ему должное, не унился до нападок на демократию, он дал демократам проявить себя во всём блеске. Если прочесть “ОК” в предлагаемом ключе, становится понятным, почему игривое выражение “в Америке есть демократия; осталось только найти демократов” превращается в зловещее. Идеалы, дескать, хороши, люди вот только подводят. Не люди, а просто человеческий фактор какой-то. То войну затеют не там, где надо (да и надо ли вообще?), то с сексом их прищучит прокурор, то барышни-феминистки ведут себя провокационно. Словом, всё бы хорошо, если бы не война и не секс.

Не надо питать иллюзий: в Америке есть демократия именно потому, что там полным-полно демократов, обслуживающих рыночные отношения, озабоченных сексом и потому иногда позволяющих себе слабость вспомнить о Боге. Рынок, демократия, религия, секс и, как ни крути, национализм. Не три кита цивилизации, а целых пять — для устойчивости. Пятиугольник, легко принимающий форму замкнутого круга. Звезда Пентагон. За Овальным кабинетом — контуры Пентагона! Эту тайну, которую никто и не прячет, очень непросто разгадать, потому что верят демократам, а не собственным глазам и уму. Николаю Ивановичу Чергинцу — одному из немногих — это удалось. Тем самым он стихийно противопоставил завет великой русской литературы “не в силе Бог — а в правде” императиву “кто силён, тот и прав”. По-моему, это дальновидно.

Если разобраться, ценность правды должен признавать любой демократ. Во всяком случае, из моральных соображений.

По крайней мере, на словах.